

Владимир Пайлодзе

КОСМИЧЕСКИЙ
ЭНДШПИЛЬ

Владимир Пайлодзе

Космический Эндшпиль

«Автор»

2026

Пайлодзе В.

Космический Эндшпиль / В. Пайлодзе — «Автор», 2026

Вы думаете, герой остановится только на Олимпиаде-56 в Кортине-д'Ампеццо? Вы думаете, его холодный тренерский мозг ограничится спортом? Вы ошибаетесь. Лёд растаял. Но игра только начинается. Теперь ставки выше. Противники опаснее. А поле битвы — не каток, а весь мир. Что задумал читинский гений на этот раз? Какие козыри он вытащит из рукава? И готов ли Запад к тому, что Советский Союз снова сыграет на опережение? Шахматы. Только теперь фигурами двигают не на доске, а в реальности. Третья книга этого цикла. Думал на ней и остановлюсь, но понял, что не всё так пошло как хотел в начале. Поэтому появилась заключительная четвертая. Если во второй ещё есть фигурное катание, а в третьей практически сошло на нет. То в четвертой - фигурное катание, но оно меняется - от первого до последнего выступления. Не знаю получилось ли у меня передать, но я старался именно через исполняемую программу - передать мироощущение Героя. Как получилось - решать только Вам.

© Пайлодзе В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Марсианский вектор Империи.	5
Глава 1. Берлинский ключ и метановый орднунг.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Пайлодзе

Космический Эндшпиль

Пролог. Марсианский вектор Империи.

Апрель одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Космодром Байконур, Казахская ССР.

Зал Центра управления полётами на Байконуре буквально задыхался от плотной, серой смеси едкого сигаретного дыма, пота и ледящего, почти первобытного страха перед неизвестностью. Напряжение в воздухе можно было резать ножом. За огромным, многослойным бронированным стеклом командного пункта, в густой, глухой степной ночи, окутанная тяжёлыми белыми парами кипящего жидкого кислорода, застыла титановая машина лунного крейсера новой Империи. Её контуры казались нереальными, пришельцами из далёкого двадцать первого века, материализованными гением советской оборонной промышленности.

Главный инженер-конструктор, чьи пальцы мелко дрожали от нервного перенапряжения, никак не мог попасть помятой папиросой «Казбек» в сухие, потрескавшиеся губы. Десять лет его жизни, бессонные, сумасшедшие ночи на засекреченных сибирских полигонах, инфаркты ближайших коллег у кульманов, дикое, подковерное сопротивление старой гвардии консервативных академиков из Политбюро и суровые, не прощающие ошибок приказы Спецкомитета Лаврентия Берии — всё сошлось, спрессовалось в этой единственной, звенящей секунде мирового времени.

Его тяжёлая, мозолистая ладонь легла на бакелитовую кнопку пуска, утопленную в приборную панель. Секундная стрелка на больших настенных часах ЦУПа глухо, как выстрел, щёлкнула, отсчитав последнее мгновение старой эпохи.

— Ключ на старт... — голос дежурного оператора в динамиках связи сорвался на сиплый, сорванный фальцет, обнажая предел человеческих нервов. — Протяжка... Продувка... Зажигание!

Инженер с силой, до характерного хруста в суставах, вдавил чёрную кнопку в панель.

И в тот же миг вся земля под Байконуром утробно застонала, заходила ходуном и мелко завибрировала, словно прямо под космодромом в эту секунду проснулся гигантский тектонический разлом. Ночное южное небо раскололось от страшного, низкого, бьющего по внутренним органам рёва метановых двигателей будущего, созданных по чертежам нашего послезнания. Из-под массивного стартового стола ударил не привычный для пятидесятих годов грязный, ядовитый и удушливый гептиловый шлейф, а ослепительный, кристально прозрачный, неоновосиневатый факел горящего жидкого метана, развивающий колоссальную температуру и мгновенно плавящий многотонные бетонные плиты газоотвода в жидкое, бурлящее зеленоватое стекло.

Мощь советского кремниевого и инженерного рывка была такой запредельной, пугающей, что у людей на дальних смотровых площадках намертво заложило уши, а в груди у каж-

дого дико, ранеными птицами забились сердца. Локомотив альтернативной истории окончательно сорвался с цепи, унося человечество прочь от старой реальности.

И в этот самый миг, когда мощный титановый клин крейсера медленно, величественно оторвался от земли, динамики пресс-центра взорвались ясным, полностью очищенным от помех цифровым радиообменом. Сквозь грохот оживающих исполинских двигателей в радиоэфире планеты прозвучал тот самый знаменитый, пророческий дуэт, который когда-то, в самом первом испытательном полёте, намертво выжгли в истории Юрий Гагарин и Зигмунд Йен. С тех пор это стало нерушимой, священной традицией Спецкомитета — перед лицом вековой бездны космоса космонавты Империи всегда взлетали под эти два хлестких слова, ставшие единым космическим паролем:

— Поехали! — весело, с чисто русским удалством выкрикнул командир корабля Алексей Леонов.

— Zu den Sternen! К звёздам! — звонким, чеканным эхом на немецком языке отозвался идущий вместе с ним на лунную вахту пилот-инженер.

Командиром лунной экспедиции был назначен Алексей Леонов — человек, который три года назад первым в истории вышел в открытый космос с борта «Восхода-Германия». Гагарин, ставший к тому времени полковником и командиром отряда космонавтов, готовил следующую, марсианскую экспедицию.

Внутри тесной, экранированной капсулы крейсера, намертво зажатые центрифугой колоссальных перегрузок в глубокие анатомические ложементы, космонавты не видели этого синего неоновое пламени. Они лишь физически слышали и чувствовали, как грохочет, звенит и буквально стонет от запредельного атмосферного давления титановая броня корабля, запечённая на принтерах селективного лазерного плавления Красноярска. Сквозь плотно, до судороги зажатые зубы, ломая ногти о жёсткие перчатки скафандров от колоссального мышечного напряжения, они неотрывно ловили каждое микродвижение стрелок осциллографов и цифровые показания РИСК-процессоров на экранах. Страха не было вовсе — был дикий, сумасшедший кураж людей новой расы, первыми уходящих за пределы обитаемого земного мира.

Я спокойно стоял у главного пульта управления, скрестив руки на груди. Мне было уже двадцать семь лет. Из зеркального отражения приборной панели на меня смотрело лицо взрослого, сильного и абсолютно уверенного в себе мужчины, прошедшего через горнило величайшей технологической и геополитической революции века. Но внутри этого молодого тела всё так же спокойно, иронично и мудро улыбался старый тренер из будущего, который наконец-то вывел своих главных подопечных на самый важный, решающий старт в истории человечества. Мы переросли ледовые катки — теперь нашей ареной была вся Вселенная.

Через несколько минут, когда первая ступень полностью отработала свой углеводородный ресурс, кремниевые процессоры Спецкомитета серии «М-6» хладнокровно, в автоматическом режиме развернули гигантские боковые ускорители прямо в безвоздушной черноте космоса. В ночном небе над замершей казахской степью снова яростно взревели посадочные дюзы, и колоссальные титановые сигары, гася скорость весом собственного топлива, начали ювелирно опускаться обратно на космодром.

У конструкторов и военных чиновников в ЦУПе перехватило дыхание, когда огромные многотонные модули плавно, окутанные клубами степной пыли, опустились точно на стартовый стол. Там их прямо в воздухе с тяжёлым, сокрушительным стальным лязгом бережно поймали гигантские лапы механической ловушки возврата. Советская программа возвращаемых ступеней, запущенная в пику номенклатурным скептикам и самоуверенным планировщикам из Пентагона, сработала безупречно, с математической точностью XXI века.

Зал ЦУПа в ту же секунду взорвался диким, неистовым, сумасшедшим рёвом. Люди обнимались, плакали, крушили в щепки казённые деревянные стулья и кричали от счастья — Империя сэкономила миллиарды рублей и ресурсов, навсегда, тяжёлым железным замком запечатав за собой ближний и дальний космос. Западная космонавтика была похоронена, так и не успев родиться.

А через трое суток в наушниках подмосковного секретного ЦУПа, где в первом ряду сидел уставший, заметно постаревший Лаврентий Павлович Берия и повзрослевший, двадцати семилетний Володя Ворон со стальным, холодным прищуром прожжённого тренера-деспота, раздалось тяжёлое, хриплое дыхание в радиоэфире. Сквозь миллионы километров космических помех пробился чистый сигнал связи.

Тяжёлый советско-германский лунный корабль-модуль уже замер в серой, вековой и безжизненной пыли Океана Бурь. Тяжёлые гидравлические опоры сработали намертво, глубоко и надёжно вгрызаясь в лунный базальт титановыми зацепами. Этот корабль прилетел сюда не для дешёвой буржуазной показухи, не ради красивой фотографии в иллюстрированных газетах для поднятия предвыборного рейтинга западных политиков. Его нижняя часть — бронированный обитаемый цилиндр с автономным атомным реактором малой мощности и замкнутыми системами жизнеобеспечения — навсегда оставалась здесь как нерушимый, вечный фундамент постоянной полярной станции «Звезда-1».

Тяжёлый шлюзовой люк бесшумно отошёл в сторону, обдав вакуум облаком ледяного пара. На обледенелый железный трап уверенно ступил Алексей Леонов. Сквозь толстое прецизионное стекло гермошлема он заворожённо смотрел на мир, который никогда до этого момента не видел ни один человек за всю историю Земли. Сердце Леонова колотилось в грудную клетку как сумасшедшее, датчики фиксировали запредельный пульс, пот застилал глаза внутри скафандра, а во рту полностью пересохло от адреналина. Каждый шаг в условиях слабой гравитации давался с трудом, нога глубоко утопала в реголите, оставляя чёткий, вечный, нестираемый след новой цивилизации.

Леонов превозмог дрожь в руках, развернул тяжёлый штатив автоматической среднеформатной камеры «Салют», снабжённой прецизионной оптикой от Carl Zeiss, и сделал тот самый исторический, великий снимок для первой полосы газеты «Правда». Монументальная, стальная опора первого советского форпоста, врывшаяся в лунный грунт, а на заднем плане, в бесконечной, леденящей и пугающей черноте космоса — огромный, пронзительно-голубой, сияющий живой диск далёкой Земли.

За его спиной двое учёных-добровольцев — русский инженер и немецкий физик — уже споро разгружали буровые шнеки и монтировали шлюзы жилого отсека. Эти люди летели сюда в один конец. Они прекрасно, трезво знали, что останутся в этом безвоздушном аду на годы, монтируя первую постоянную базу для колонизации ресурсов другой планеты ради блага всей Империи. Сибирско-тевтонский орднунг дотянулся до Луны.

В этот же самый миг по радиовещанию Комитета Спецсвязи на всю замершую в немом шоке планету раздался знакомый, хриплый, неторопливый голос с лёгким, но невероятно веским кавказским акцентом. Вождь, пускай и формально отойдя от больших государственных дел на Ближней даче, по-прежнему крепко держал судьбу огромной страны своей стальной, уверенной рукой, направляя её локомотив сквозь эпохи:

— Товарищи... Многие капиталистические умники в Вашингтоне и Лондоне думали, что советский человек строит свои ракеты только ради лозунгов, пропаганды и красивых картинок для прессы. Они жестоко ошиблись. Сегодня мы сделали первый, но самый важный шаг к колонизации и промышленному освоению ресурсов других планет. Советская опора на Луне встала намертво, наши люди пришли туда навсегда. Но это далеко не конец нашего пути, товарищи. Наш орднунг крепок, наша наука опережает время на поколения, и впереди нас ждёт — Марс.

Я слушал этот голос из наушников, стоя у пульта в пустом ЦУПе, где уже стихли крики и аплодисменты. И думал: это только начало. Через четыре года — Марс. Через десять — пояс астероидов. Через двадцать — звёзды. Но сейчас, в эту апрельскую ночь шестьдесят пятого, мне нужно было вернуться на восемь лет назад. И рассказать, как всё это началось.

Глава 1. Берлинский ключ и метановый орднунг.

Январь одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года выдался в Подмосковье на редкость лютым, морозным, колючим и затяжным. За толстыми железобетонными стенами подземного секретного бункера Спецкомитета Лаврентия Берии завывал пронизывающий ледяной ветер, гнавший по серым полям глухую подмосковную метель. Но здесь, на глубине двадцати метров под землёй, в бесконечных глухих коридорах охраняемого спецобъекта, царила удушливая, наэлектризованная и давящая жара, рождённая мощными климатическими установками и накалом человеческих страстей.

В просторном зале заседаний научно-технического совета Спецкомитета густо пахло крепким, давно остывающим министерским чаем в гранёных стаканах с массивными серебряными подстаканниками, застоявшимся, сизым сигаретным дымом от крепких папирос «Казбек» и резким, въедливым запахом аптечной валерьянки, которую то и дело капали себе в воду издёрганные стенографистки.

За огромным, длинным дубовым столом сидел весь цвет советской ракетной науки — умы, ковавшие ядерный щит державы и выводившие страну на новые рубежи. Генеральный конструктор Сергей Павлович Королёв, хмурый, осунувшийся, с глубокими тёмными кругами под глазами от вечного, изматывающего недосыпа, нервно и ритмично постукивал простым карандашом по полированному столу, оставляя на бумаге мелкие чёрные точки.

Напротив него, сурово скрестив руки на широкой груди, сидел Валентин Петрович Глушко, чей колючий взгляд из-под густых, кустистых бровей не обещал присутствующим ничего хорошего. Рядом, лихорадочно поправляя съезжающие на нос очки, раскладывал огромные синие ватманы Владимир Челомей, черкая поверх чертежей жирные карандашные пометки. Академики и главные конструкторы спорили до хрипоты, срывая голоса, уже пятый час подряд, и этот многочасовой шторм уже явно заходил в глухой, тупиковый номенклатурный тупик ведомственных амбиций.

— Лаврентий Павлович, — Королёв тяжело, со свистом вздохнул, поворачиваясь всем корпусом к главе Спецкомитета, который молча и неподвижно сидел во главе стола, лениво перебирая в пальцах тяжёлые нефритовые чётки. — Проект нашего трёхступенчатого лунного монстра Н-1 на керосине и жидком кислороде просчитан КБ до последнего микрона, до каждой заклёпки на обтекателе. Чтобы гарантировано опередить американцев в этой гонке престижа и намертво запечатать за СССР Луну, нам нужно минимум пять лет каторжной, непрерывной работы всех металлургических и машиностроительных заводов страны. И дополнительно — три миллиарда рублей из закрытых фондов. Физику и химию не обманешь, Лаврентий Павлович! Керосин — это абсолютный максимум, который мы физически можем выжать из существующих отечественных сплавов и турбин. Больше удельного импульса из этой смеси не достать, мы уперлись в потолок термодинамики!

— А я тебе ещё раз говорю: твоя безумная машина не взлетит, Сергей! Никогда не взлетит! — Глушко зло, с треском ударил широкой ладонью по дубовому столу, отчего стаканы в подстаканниках жалобно, испуганно зазвенели. — Твоя сырая схема с тридцатью мелкими двигателями на первой ступени — это чистой воды пороховая бочка, заложенная под престиж государства! Да один малейший чих, одна микроскопическая пометка в сложнейшей топливной магистрали или сбой синхронизации — и весь наш лунный приоритет разлетится на кровавые куски прямо на стартовом столе на глазах у всего Белого дома и спутников-шпионов! Нужны другие, ядовитые, высококипящие компоненты, нужен гептил! Да, грязно, да, смертельно токсично для стартовых расчётов, но зато надёжно как трёхлинейка Мосина! На нём и полетим, на нём до Луны дотянем!

В этот самый момент массивные, обшитые звукоизоляционной кожей бронированные двери зала заседаний бесшумно и плавно разошлись в стороны. Плотные, яростные споры академиков мгновенно, в одну секунду утихли, сменившись напряжённым, выжидающим молчанием. В комнату уверенным, хозяйским шагом вошёл я.

Я выглядел как холёный, безупречно уверенный в себе международный дипломат высшего ранга или советский торгпред в Европе. На мне был строгий, дорогой тёмно-серый костюм-тройка, безупречно сшитый по фигуре в закрытом ателье высшей номенклатуры, на запястье тускло поблёскивали часы Спецсвязи, а осанка была идеальной.

Но взгляд моих глаз оставался прежним — леденящим, насквозь сканирующим и циничным взглядом старого деспота-тренера, который за свою прошлую жизнь до две тысячи тридцать пятого года привык ломать через колено любые министерские авторитеты, спортивные амбиции и чиновничью спесь ради достижения абсолютного, золотого результата. За моей спиной в дверях бесшумными, грозными тенями встали двое личных оперативников генерала Власика, демонстративно застегнув пуговицы плотных пальто.

Академики и профессора недовольно, ревниво нахмурились, пряча глаза в свои бумаги. Для всей этой старой, заслуженной гвардии советских ракетостроителей я всё ещё, несмотря на годы побед, оставался «читинским выскочкой» и личным секретным любимчиком Хозяина Ближней дачи. Да, они прекрасно знали, что именно мои закрытые патенты и биомеханические расчёты принесли казне страны миллиарды золотой буржуазной валюты. Да, они отлично помнили, что благодаря моему автономному Спецкомитету советские заводы первыми в мире получили твёрдотельные полупроводниковые процессоры и уникальные лазерные станки. Но пускать какого-то мальчишку в святая святых своей науки — в расчёты тяги, камер сгорания и формулы ракетных двигателей — они не хотели категорически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.